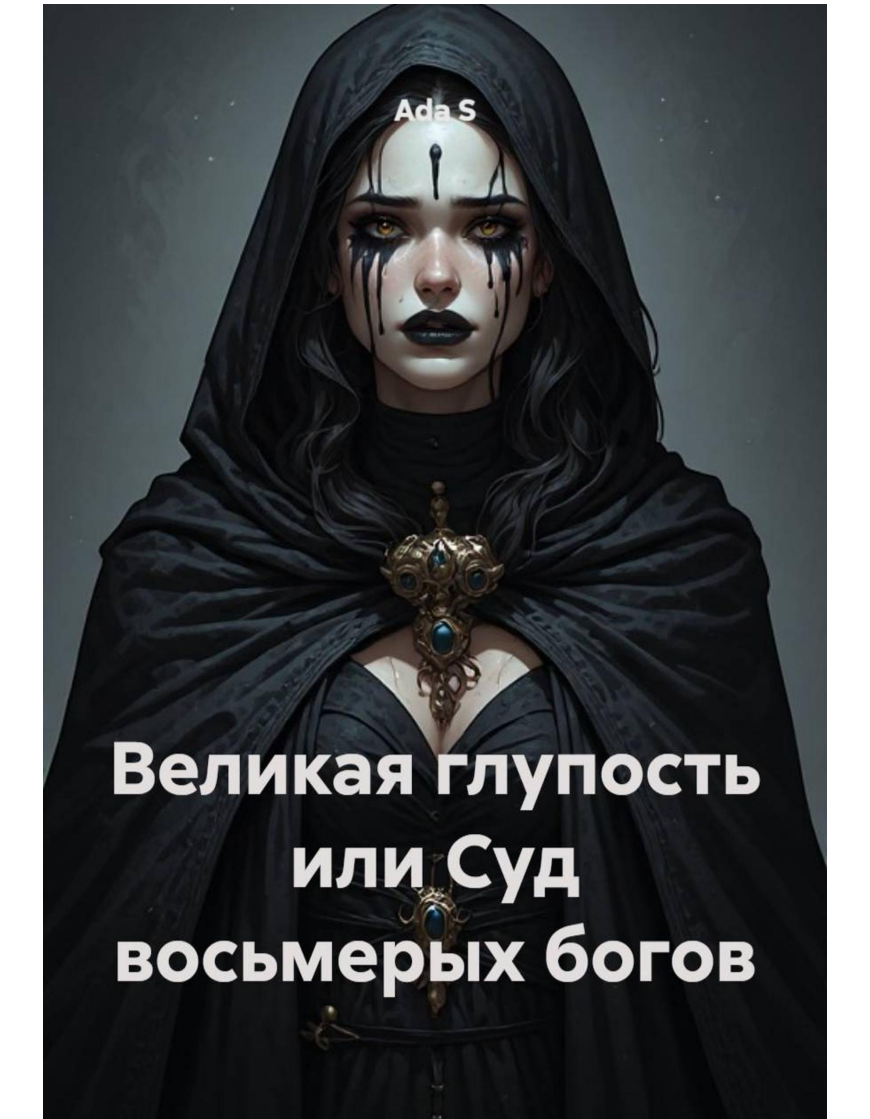

A woman with long dark hair, wearing a black hooded cloak. Her face is pale with dramatic black face paint: a vertical line through the center of her forehead, and black tears or paint running down her cheeks. She has yellow eyes and dark lips. She wears a large, ornate, golden necklace with blue gemstones. The background is dark and moody.

Ada S

**Великая глупость
или Суд
восьмерых богов**

Ada S

Великая глупость или Суд восьмерых богов

<https://litres.ru/74297922>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лёгкий рассказ о восьмерых богах и великом маге, которой посмел притронуться к запретным знаниям. Он узнал о сущности человеческого оргазма, секретные тайны, которые позволяют распоряжаться человеческой жизнью и смертью. Неподвластные для смертных тайны были распечатаны, а гордыня богов втоптана в грязь. Небесное царство готовится к суду над смертным. От решения этого суда зависит дальнейшая жизнь небесного трона.

Ada S

Великая глупость или Суд восьмерых богов

Великая глупость или Суд восьмерых богов Ведущий смертный умоляет богов о знании, а боги играют в смысл, справедливость и

страсть. Хермиус Мора, некромант, чернокнижник и алхимик, распечатал запрещённые

библиотеки и выпросил у божеств часть их тайн. Но суд становится ловушкой разума:

защитники стараются перетянуть нить дела на милость, обвинители куют логику как оружие,

а в последний момент вскрывается преступление, уничтожающее не только защиту, но и саму

веру союзников. Хермиус остаётся без человеческого тела — бесплодным сгустком чёрной

грязи и шупалец. Он строит библиотеку величины мира и кормит ей жаждущих знаний,

забирая души и волю, пока его вина не превращается в вечную, опасно привлекательную

легенду.

Содержание

1. Семь имён, один трон
2. Пакт выстрела и алхимии
3. Библия без лица
4. Печать преступления
5. Грязь, которая учит
6. Покорители страниц
7. Суд без богов
8. Восьмая глава без права

Персонажи

Семь имён, один трон

Тронный зал не имел стен.

Он был просто мыслью о зале: круг света, где предметы становились метафорами, а тени —

аргументами. В центре стоял камень, на котором не росли ни мох, ни пыль. Его поверхность

дышала старой формулой, написанной не буквами, а правилами.

Первой в круг вошла Мирия.

Она шла так, будто свет у неё под кожей: шаг — и улыбка, улыбка — и попытка понять. Её золотые

блики не ослепляли, а грели. Она поприветствовала каждого по имени, как будто имена могли

вернуть богам то, что у людей зовётся “дружбой”.

— Пусть суд будет не мечом, а мостом, — сказала она, мягко оглядывая круг. — У нас же вражда от

недоговорённостей.

Ашура повернул голову медленно, словно слушал звук металла по камню.

— Мост? — низко хмыкнул он. — Когда вражда уже в крови, мост — это просто новый путь на кладбище.

Звагрот стоял в углу, как гном в шахте: короткий, суровый, упёртый. Он не любил длинные паузы —

пауза была для него вымыслом. Но Мирия, улыбаясь, умудрялась вынудить даже его ждать.

— Цена будет посчитана, — сказал Звагрот. — И не “в сердце”, а в разрушении.

Житвак появился как запах алхимии: сразу и везде. Он не вошёл — он “просочился” в круг, будто

место было сосудом, а он налил себя внутрь.

— Цена всегда существует, — произнёс он. — Вопрос только: кто назначит тариф.

Кельтолас, бог эльфов, луков, охоты, возник на шаг позади света — так, будто он уже нашёл

траекторию стрелы и оставил её за спиной. Он был худой, быстрый, красивый, и красота его не

была украшением: она была оружием, которое не нуждается в грубой силе.

— Тарифы? — Кельтолас чуть улыбнулся. — Я люблю охоту. У охоты нет прайса. У охоты есть след.

Алльсона явилась последней — но не в качестве запоздалой гостыи, а как аромат соблазна,

который опережает шаг. Её пышные формы вызывали у зала дрожь не тела, а смысла. Она

смотрела на всех так, будто уже оценила, в какой позе каждый бог способен проиграть.

— Суд — это сцена, — сказала Алльсона. — А сцена всегда нуждается в зрителях.

Эфронха появилась почти бесшумно. На её лице тушь давно стёрлась плачем, будто слёзы были не

эмоцией, а механизмом. Чёрная бархатная накидка закрывала глаза, но не прятала боль — боль

вылезала из неё, как дыхание из колодца.

— Я не хочу представления, — сказала она тихо. — Я хочу, чтобы конец был концом. Без

дополнительной пытки.

Шологат появился, когда разговор уже начал расползаться на части.

Он возник с внезапностью и так же внезапно стал частью круга — как если бы круг сам понял: без

него будет скучно.

— У меня тоже есть пожелание, — сказал Шологат весело и одновременно нелепо. — Давайте

спорить так, чтобы слова падали на пол, как кости в мешке.

Мирия попыталась улыбнуться сильнее. Ей было трудно, когда богов заносит на острые рельсы —

но она всё равно пыталась.

— Тогда... начнём спокойно. Хермиус Мора, выходи.

Двери не открывались: просто в круге возник Хермиус Мора.

Он был бледен, но не изнеможён. Его глаза держали спокойствие человека, который видел

слишком много страниц, чтобы бояться дыма. Одежда была простая, но у неё была странная

“встроенная тьма” — не ткань, а тень, которая запомнила его пальцы.

— Вы звали меня, — сказал он. — Я пришёл.

Ашура шагнул ближе. Шрамы на его теле словно рассказывали историю побед, где каждый удар

превращался в правило.

— Мы звали не “просто так”, — произнёс Ашура. — Ты украл у нас запреты.

— Я распечатал библиотеки, — спокойно ответил Хермиус. — Вы спрятали знания, значит сами

сделали их желанными.

Звагрот скрипнул зубами.

— Знание не должно быть дырой в шахте. Ты просверлил стену без укреплений. Теперь обвал ищет,

кого раздавить.

Житвак поднял руку, словно собирал невидимый порошок.

— Не “просверлил”. Ты разрушил механизм контроля.

— Контроля? — Хермиус прищурился. — Вы называете “контроль” тем, что вы боитесь исчезновения

вашей власти.

Альсона хихикнула — не зло, а интерес.

— Власть? Или, может, страх? — спросила она, наклоняясь к свету, будто свет был собеседником.

Эфронха вздрогнула, будто слово “страх” стало неудачной свечой.

— Я не люблю разговоры, которые пахнут сладостью, — сказала она. — Смерть не должна быть
развлечением.

Шологат вскинул голову.

— Но суд — всегда развлечением для скучающих богов!
— он поднял ладони. — Давайте честно: вам
хочется не только справедливости, вам хочется сюжета.

Мирия попыталась поставить ладонь между голосами.
— Мы хотим понимания, — сказала она.

— Понимания всегда хочется тем, кто боится, — бросил
Кельтолас.

Он сделал шаг к Хермиусу — и это движение оказалось неожиданно дружелюбным.

— Ты странный, — произнёс Кельтолас. — Ты говоришь

быстро, но не суетно. Ты не просишь, ты

берёшь. Это... редкая меткость.

Ашура напрягся.

— Меткость без чести — это просто стрела в спину.

— А вот здесь интересно, — сказал Кельтолас и снова улыбнулся. — Кто сказал, что спина —

неправильная цель?

Хермиус не улыбался. Он слушал, будто считал пульс за-
ла.

— Вы все считаете, что я виновен, — сказал он. — Но вы забываете: боги не только запрещают. Боги

создают правила. А если правила гниют — их нужно рас-
печатать.

— Распечатать — значит вскрыть, — сухо сказал Звагрот.
— И вскрытие требует меры. Ты меры не
принёс.

Житвак кивнул.

— Он принес силу, — сказал Житвак. — Не только силу алхимии, но и... божественную экономику.

Алльсона посмотрела на Хермиуса так, будто увидела в нём будущую игру.

— Дай угадаю, — произнесла она. — Он получил то, что вам самим неудобно признать. Не просто

книги. Не просто формулы. А то, чем книги питаются.

Хермиус молчал.

Шологат же вдруг засмеялся.

— О! Сколько пафоса! — он хлопнул в ладони. — Мы не судим книгу. Мы судим кражу. А кражу всегда

трудно описать словами. Так давайте начнём с первого вопроса: что именно было украдено?

Мирия мягко подняла руки.

— Мир — это согласие на смысл, — сказала она. — По-

этому ответ должен быть точным.

Хермиус наконец заговорил так, как говорит тот, кто уже не боится.

— Я распечатал потерянные библиотеки. Я сделал это не ради пустоты. Я изучил, где вы прячете

собственные силы. Ваши таинства — это не просто заклинания. Это механика запрета. Вы прячете

от смертных не знания — вы прячете возможность изменить судьбу без вашего разрешения.

— Ты изменил, — сказал Ашура.

— Я изменил доступ, — поправил Хермиус. — Вы сделали знание шёлковой ниткой, которую вы

контролируете. Я научился держать нить и использовать её.

Звагрот опустил взгляд, будто смотрел на невидимый кусок руды.

— И от этого обрушилась штольня.

Эфронха тихо промокнула край накидки, но там уже нечего было промокать: слёзы давно вышли в систему.

— Люди не станут сильнее, — сказала она. — Они станут... голоднее.

Шологат довольно сверкнул.

— Вот! Вот это вкусная мысль! Голоднее, но в каком смысле — в смысле жизни, или в смысле разрушения?

Хермиус посмотрел на Эфронху чуть дольше, чем на остальных.

— В смысле знания, — сказал он. — Знание лечит. Некромантия лечит. Алхимия лечит. Я видел, как из смерти рождается лекарство.

— Смерть не лекарство, — возразила Эфронха.

— А я скажу, что смерть — сырьё, — резко вмешался

Житвак. — Как руда для гнома. Для лечения

нужна обработка. И эту обработку нужно удерживать в руках мастера.

— Мастера? — Хермиус поднял бровь. — Ты называешь себя мастером. Но ты хочешь господства.

Житвак улыбнулся уголком губ.

— Конечно. Господство — это и есть мастерство, доведённое до системы.

Альсона рассмеялась коротко.

— Система бывает только там, где кто-то управляет желаниями.

Мирия попыталась вернуть разговор к миру.

— Давайте не будем... — она запнулась, потому что слишком многие слова уже были слишком

острыми.

Тогда Кельтолас сделал то, чего никто не ожидал.

— Я буду на стороне Хермиуса, — объявил он вдруг.

Круг словно треснул от неожиданности.

Ашура шагнул ближе.

— Ты? На стороне того, кто распечатал запреты?

— Я на стороне меткости, — ответил Кельтолас. — Он не трус. Он не прячется за оправданиями. Он

смотрит в тьму и пытается понять.

Хермиус поднял глаза.

— Ты... решил за меня? — спросил он.

— Я решил не за тебя, — сказал Кельтолас. — Я решил против скуки. В моих лесах скука убивает

охоту.

Мирия с облегчением прошептала.

— Тогда, возможно... суд не станет кровью.

Шологат подпрыгнул.

— О-о-о! Ставка! — он повернулся к Хермиусу. — Ты ему понравился, да?

Хермиус не ответил прямо.

— Симпатия — не закон, — произнёс он.

— Зато симпатия — мотив, — сказал Кельтолас. — А в суде мотивы решают.

Эфронха вздохнула.

— Только не превращайте мотив в пытку.

И суд начался.

Не печатью приговора — печатью слов. Первыми заговорили обвинители.

Звагрот ударил по тишине грубостью.

— Ты взломал запреты. Значит, ты сделал опасным то, что мы строили как защиту. Ты сделал

знания бесплатными. А бесплатность разрушает цену.

Житвак дополнил, словно подмешивал яд в целебный сироп.

— Он украл не просто книги. Он украл формат перехода: как смертный получает силу без того, чтобы

сила “училась жить” в божественных рамках. Он дал людям доступ, и люди стали применять

запретное так, будто оно не имеет последствий.

Альсона вступила в спор мягко, но опасно.

— Запретное таинство всегда рождает соблазн. А соблазн меняет. Ты поменял мир так, что в нём

стало меньше... дисциплины желания.

Ашура добавил, как ставят печать на шраме.

— Ты ударил по победе тех, кто держит мир. Ты лишил нас возможности удержать порядок.

Эфронха, едва заметно дрожа, сказала своё.

— Я не хочу боли. Но если запрет нарушен — боль придёт сама. Поэтому я прошу: докажите вину, а не удовольствие от наказания.

Хермиус слушал, как слушают карту пожара.

— Вы говорите “боль”, но вы не хотите видеть, что я принёс против неё лекарство, — сказал он.

— Лекарство из запрета — это всё равно запрет, — отрезал Звагрот.

И тогда, словно выбирая линию охоты, Кельтолас впервые приблизился к сути.

— Доказательства, — сказал он. — Не крики. Не общие слова. У обвинителей есть точка преступления?

Житвак задержал взгляд.

— Точка? Есть. Но вы пока не готовы услышать.

Шологат довольно хлопнул.

— Вот! А теперь будет весело! — он наклонился к Мирии.
— Солнце, ты же хочешь мира? Тогда

смотри, как мир рождается в споре.

Мирия попыталась вернуть спокойствие.

— Слишком... шумно, — сказала она.

— Шумно — живое, — ответил Шологат. — Мёртвое не спорит.

И в этот момент Хермиус Мора почувствовал: суд — не просто выяснение вины. Он — сцена, на

которой боги меряют не только Хермиуса, но друг друга.

Он понял, что защитники нужны не только ему, а сюжету. А сюжет, как водится, будет жесток.

Но он пока держался.

Пока обвинители спорили о “формате” кражи, Мирия мягко протянула руку к Эфронхе.

— Мы остановим жестокость, — сказала Мирия.

— Я постараюсь, — ответила Эфронха. — Но если вы сами захотите игры... тогда я не смогу.

Хермиус услышал эти слова как предупреждение.

И в словах обвинителей почувствовал дрожь: они не до конца открыли карты.

Шологат улыбнулся, как будто уже знает финал.

— Ну что, — произнёс он. — Разумные боги заготовили разумные сети. А значит, у нас впереди ещё

несколько витков до настоящего куска мяса.

Кельтолас посмотрел на Хермиуса.

— Ты готов? — спросил он.

— Я всегда готов к тому, что меня поймают в формулу, — ответил Хермиус. — Но поймать — не значит уничтожить.

И тронный камень, будто довольный ясностью, запульси-

ровал.

Так началась словесная баталия, где каждое предложение было движением к последней точке. И

этой точкой пока пахло туманом — но туман, как известно, редко бывает пустым.

Пакт выстрела и алхимии

После первого удара слов зал начал кружить.

Слово не только объясняло: оно находило опору, заставляло богов двигаться в едином темпе, как

луки тетивы, натянутые на разный вкус.

Кельтолас говорил так, будто натягивал лук.

— Вы называете кражу нарушением, — произнёс он. — Но где доказательство, что знание само по

себе разрушительно? К знанию всегда прилагается форма. Форма выбирается. Значит, вы спорите

не о чтении, а о том, кто решает, как читать.

Звагрот фыркнул.

— Форма? Тогда пусть твой эльф покажет форму безопасности. Приведи пример, где распечатанная

книга не стала обвалом.

Кельтолас усмехнулся.

— Безопасность вы строите из страха. Это не форма — это кандалы.

Ашура ударил ладонью по воздуху.

— Кандалы держат тех, кто иначе бы погиб.

— Нет, — сказал Кельтолас. — Кандалы держат тех, кто иначе бы захотел иначе жить.

Хермиус слушал, и в груди его поднималась странная смесь: благодарность и раздражение.

Благодарность — потому что Кельтолас не просто защищал: он видел в Хермиусе живую меткость.

Раздражение — потому что защиты много, а финал, судя по взглядам обвинителей, ещё не наступил.

Шологат прохаживался по кругу, будто круг был игровой площадкой.

— Люблю, когда эльфы спорят, — сказал он. — Они звучат как стрелы, даже когда говорят “мир”.

Мир — тоже оружие.

Мирия пыталась улыбаться.

— Давайте... без оружия, — сказала она, но улыбка её была напряжённой.

Альсона подалась вперёд, и зал будто потеплел не светом, а близостью.

— Оружие бывает разным, — произнесла она сладко. — А наказание... бывает возбуждением.

Эфронха резко поднялась.

— Не прикасайся к смерти словами о возбуждении, — сказала она.

Альсона чуть наклонила голову.

— А разве ты не прикасаешься? — спросила она. — Ты говоришь так, будто страдание — чужое. Но

ты же богиня смерти. У тебя есть право чувствовать.

Эфронха на миг застыла, будто её боль ткнули пальцем.

— Право чувствовать не означает... — она запнулась, и её голос стал тише, — что надо любить.

Шологат засмеялся.

— Вот! Депрессия как морализация! Люблю.

Эта фраза задела Эфронху, но Мирия сразу смягчила угол.

— Шологат, остановись, — сказала Мирия. — Мы собираемся говорить о судьбах.

— А судьба — это игра, — ответил он. — Просто у вас разные правила.

Житвак, словно заметив, что защита нуждается в более тяжёлой опоре, выступил.

— Кельтолас защищает смелость. Я защищу ремесло, — произнёс Житвак.

Звагрот прищурился.

— Ты же союзник, который хочет господства.

— Я всегда хочу господства, — спокойно ответил Житвак. — Но я не хочу разрушения. Хермиус Мора

распечатал библиотеки — значит, теперь существует ресурс. Ресурс надо удерживать, чтобы он не

обвалился.

— Удерживать? — Ашура скривился.

— Удерживать означает учить, — ответил Житвак. — И учить — значит направлять тех, кто жаждет

знания.

Хермиус сдержал улыбку.

— Ты пытаешься забрать мои действия в свою систему.

— Не “забрать”, — Житвак поднял ладонь. — “Наследо-

вать”. Я хочу видеть библиотеку под контролем

магов. Под контролем ремесленников. Под контролем целителей.

Кельтолас фыркнул.

— Целителей? — повторил он. — Смешно. Ты хочешь господствовать над тем, что лечит.

Житвак не обиделся.

— Лечить без власти — утопия. Власть нужна, чтобы выбором никто не управлял хаотично.

Алльсона улыбнулась Хермиусу, и улыбка была как знак: “Ты понимаешь, зачем я здесь”.

— Житвак говорит красиво, — произнесла она. — Но он забывает: у знаний есть вкус.

— Точно, — сказал Шологат и хлопнул. — Вкус! Сколько вы ни спорьте, вы всё равно пойдёте туда,

где вкус.

Мирия попросила тишины.

— Дайте нам точку вины, — сказала она. — И точку пути исправления.

Звагрот ударил кулаком по камню — камень звякнул, будто внутри него были рудные пласты.

— Точка вины проста: он взломал запреты.

— Запреты взламывать нельзя, — добавил Ашура.

— Но вы сами создавали запреты, чтобы спрятать то, что нельзя спрятать навсегда, — вмешался

Кельтолас.

— Можно, — холодно сказал Звагрот. — Потому что мы — боги.

Хермиус сделал вдох.

— Потому что вы — боги? — повторил он. — А смертные — не люди? Или их боль не нуждается в знаниях?

Эфронха тихо прошептала, почти сама себе:

— Боль нуждается в конце... а не в продолжении.

Хермиус взглянул на неё и на миг показался другим: не ухищрённым спорщиком, а человеком,

который когда-то действительно хотел быть добрее.

— Некромантия — это конец, который лечит, — сказал он. — Я видел, как тело возвращают не для

красоты, а для выбора жить ещё один день, когда иначе не было бы выбора.

Эфронха опустила взгляд.

— И всё же ты вывернул конец наизнанку.

Шологат хмыкнул.

— Ой! Уже философия на крови.

Алльсона провела пальцем по своей ладони — жест был похож на каплю вина.

— Хермиус Мора, — произнесла она, обращаясь к залу и

одновременно к нему, — ты говоришь так,

будто твоё знание чисто. Но чистота — это тоже маска.

Хермиус встретил её взгляд.

— Чистота не нужна, — сказал он. — Нужно действие.
Если знание приводит к жизни — значит, оно
не грязь.

Житвак кивнул.

— Вот! — произнёс он. — Он понимает ремесло.

Звагрот скривился.

— Ремесло без меры — это пожар.

— Пожар может согреть, — вдруг мягко сказала Мирия.

Звагрот посмотрел на неё, будто на ребёнка, который пытается объяснить лаву песней.

— Согреть может тот, кто стоит далеко, — сказал он.

Миря не обиделась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.